

5. *Абалкин, Л. И.* Избранные труды: В 4 т. Т. 4: В поисках новой стратегии: К цели через кризис. Спустя год... / Вольное экономическое общество России; сост. О. М. Грибанова – М.: ОАО «НПО Экономика», 2000. – 799 с.
6. *Фурсов, А. И.* О великом вопрекисте / А. И. Фурсов // Феномен Зиновьева / сост.: А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. – М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. – С. 40–64.
7. *Зиновьев, А. А.* На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с.
8. *Зиновьев, А. А.* Зияющие высоты / А. А. Зиновьев // Собр. соч.: в 10 т. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – Т. 1. – 715 с.
9. *Зиновьев, А. А.* Катастрофка / А. А. Зиновьев // Смута. – М.: Келвори, 1995. – 494 с.
10. *Зиновьев, А. А.* Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
11. *Пихоя, Р. Г.* Почему распался Советский Союз / Р. Г. Пихоя // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г. Н. Севастьянов; сост. С. М. Исхаков. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005 – С. 404–422.
12. *Козн, Ст.* Провал крестового похода и трагедия посткоммунистической России / Ст. Козн; пер. с англ. И. С. Давидян. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304 с.
13. *Степин, В. С.* Модернизация. Но какая? / В. С. Степин // Перестройка: Двадцать лет спустя / сост. В. И. Толстых. – М.: Русский путь, 2005. – С. 65–73.
14. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004 – 120 с.
15. *Лесков, Л. В.* Футуросинергетика: универсальная теория систем / Л. В. Лесков. – М.: Экономика, 2006. – 170 с.

SUMMARY

The article is devoted to the main principles of Zinoviev's research in the field of modern social philosophy actual problems: the essence of social transformations in the USSR the reasons of its dissolution and that peculiarities of the development of the ex-soviet area. It is noted that social knowledge methodology science significance is very important in the ex-Soviet area. Zinoviev's methodological principles correlate to the perspective positions of modern postnonclassical science.

Поступила в редакцию 09.04.2015 г.

УДК 141.7:316.6

П. С. Петровский,

младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Современность ставит перед человеком глобальные и сложные задачи. Ускорение мира, уплотнение знаний, а также расширение человеческой ойкумены поставили задачу повышения конкурентоспособности. От данного фактора зависит, какое место в мире мы сможем занимать, и кем будем являться. В этой связи проблема истока инноваций, происхождения творчества, а также сам его механизм занимают одно из центральных мест.

Для понимания истока инновационного процесса, его структуры и свойств мы попробуем обратиться к иному явлению, за которым в общественном сознании закрепился противоположный, антиномичный смысл – к традиции.

К сожалению, традиция как явление сегодня воспринимается как ретроградная, догматическая, застывшая во времени топика. Ее воспринимают, подобно реакции, как проявление старомодного и во многом трансцендентного образца прошлого, к которому следует стремиться. В этом дискурсе даже появилась определенная школа, известная под названием «интегрального традиционализма», утверждающая, что *традиция* – это первичная, чистая, истинная матрица, отклонение от которой привело к деградации, деконструкции основных метафизических смыслов и социальных институтов. Один из авторов подобной концепции, Рене Генон, утверждает, что единственно верным пу-

тем человека и общества может быть поворот к изначальной «примордиальной» традиции и отказ от любой инновации, консервация первичного статуса и существование в его границах.

Согласиться с подобной трактовкой традиции, с нашей точки зрения, уже исходя из самой этимологии слова «традиция» (восходит к латинскому *traditio*, к глаголу *tradere*, означаемому «передать»), ни в коем случае нельзя. Этимология самого слова предусматривает динамику, темпоральное растяжение, темп, изменение, а не застывание и застывание. На это и указывал ученик и последователь Генона, итальянский консервативный мыслитель Юлиус Эвола, который замечал, что традиция «по своей сути есть нечто метаисторическое и одновременно динамичное: это общая упорядочивающая сила, которая действует исходя из принципов, имеющих высшее узаконение на протяжении поколений, сохраняя духовную преемственность и проявляя себя в самых разных институтах, законах, формах государственного устройства, могущих даже иметь значительные различия между собой» [7, с. 10].

Эвола указал на важнейшие черты традиции: 1) сохранность; 2) динамичность, 3) преемственность, 4) институализация, 5) когнитивность. Углубляясь и уточняя понятие традиции, следует заметить, что она является динамичной и социальной, а также имеет инновационную компо-

ненту. Так, современный французский философ Гийом Фай утверждает, что традиция включает и футуристическое начало. Она имеет в своей сущности элемент инноваций при сохранении преемственности и базового принципа самосохранения [5, с. 64].

Таким образом, можно резюмировать, что традиция – это принцип преемственности знаний, умений и навыков, проявляющийся в институализации общества. И здесь справедливо возникают вопросы: «Где находится в структуре традиции инновационная компонента?», «Когда инновационная плотность увеличивается и общество входит в так называемую "эпоху перемен"»?

Чтобы ответить на подобные вопросы, на наш взгляд, следует обратиться к логике самой традиции и механизмам передачи знаний, умений и навыков из поколения в поколения. Понятно, что главным фактором инновационности должен считаться механизм усложнения системы, то есть качественное увеличение знаний, умений и навыков по сравнению с данными предыдущего поколения. Однако их прирост не является стабильным и перманентным. Он происходит скачкообразно. В одни промежутки времени плотность инноваций может иметь революционное проявление, когда изменения происходят настолько всеобъемлюще и глубоко, что может показаться: традиция утеряна или закончена, и мы имеем дело с ее новым началом. В другие периоды, наоборот, плотность появления инноваций может приближаться к нулевой отметке, а динамика общественного развития находится в «застойном» положении. Появляется проблема выделения тех факторов, которые стимулируют появление инноваций, либо становятся их прямыми причинами.

Для поиска ответа обратимся к самой природе инновации – творчеству. Согласно классическому определению, данному еще Платоном, под творчеством следует понимать процесс создания чего-либо качественно нового, чего не было раньше. Онтологически Платон определил источник творчества как ничто. Подобную трактовку во многом повторил И. Кант в труде «Критика чистого разума», когда рассуждал про трансцендентальную способность воображения и возможные истоки его продуктивного качества. Однако нас в данном случае интересует социальный аспект творчества, а именно факторы, увеличивающие процент появления инноваций.

В социальной плоскости подобную задачу можно решить только исходя из самого же социального опыта, а значит при помощи исторической ретроспективы и выявления генезиса социального творчества. Источником творчества (с этим соглашается подавляющее большинство исследователей) выступает целый пласт сознательных рефлексий. Исходя из этого немецкий постструктуралист Дитмар Кампер предлагает для определения подобного инновационного истока деконструировать человека до уровня чистого тела: «Вернуться

в до-миф – значит отказаться от воли к знанию, от воли к власти, от воли к воле, то есть отрешиться, то есть бесконечно более страдать, чем действовать, то есть тосковать и глубоко скорбеть. Облегчению вещей, которое приходит вместе со знакомой абстракцией, исторической стратегии прояснения, на которую мировое сообщество выходит из воли и представления, нужно предпочесть «темную материю» и «чистую тяжесть» [2, с. 31]. Таким образом, для Д. Кампера чистая онтология вне творчества, инноваций и вообще любых рефлексий имеет место только в плоскости чистого тела как первокомпонента, первоматерии, онтологического базиса. Появление же чего-то еще кроме него и является тем показателем и рубиконом, после которого и появляется инновационная деятельность человека.

Подобно Д. Камперу, человека рассматривает и Арнольд Гелен, который видит в нем две составляющие: биологическую (телесную), выступающую как базис, носитель самого онтологического наличия, и культурную, которая есть психологическая компенсация человеческого общества, обеспечивающая самосохранение [1, с. 162]. Для А. Гелена человек – это «недостающее существо» (*Mangelwesen*), отличающееся от иных млекопитающих уже собственным уровнем развития морфологии и физиологии. Человек не приспособлен к выполнению функций и естественно не может выполнять жизненно важные функции нападения или защиты. Поэтому «второй природой» человека выступает система так называемой орудийной деятельности и коммуникации, а это и есть культура, без которой у человека нет ни малейших шансов выжить, а потому не существует «естественного человека» – он изначально является социальным существом, поскольку всякое общество предполагает язык, свою технику, формы общения, кооперации и т. д.

Именно культурная настройка биологического базиса и есть онтологическим «ничто» («*nihil*»), которое выступает источником творческого потенциала.

Д. Кампер указывает, что появление культуры сопряжено с болью, травмой и шрамом. Тело заполучило сознание благодаря травме, которая сформировала как память, сохраняющую воспоминание о ней, так и возможность проектирования возможностей ее избегания, недопущения или преодоления.

На уровне трансдисциплинарных исследований в начале XXI в. Хайнер Мюльманн развил концепцию Гелена и Кампера в направлении поиска психофизиологического истока творчества. Согласно автору, подобным катализатором творчества может выступать стресс. Как только индивид распознает фактор стресса, который всегда является непосредственной угрозой, такие области мозга, как гипоталамус и гипофиз, начинают вырабатывать гормоны и нейротрансмиттеры – химические вещества, способствующие переда-

че электрических импульсов между нейронами мозга. В стрессовой ситуации организм продуцирует норадреналин и адреналин, которые увеличивают частоту сердцебиения и кровяное давление. Кроме того, усиленно вырабатывается гормон кортизол, который регулирует такие функции организма, как аппетит и сон. Стресс приводит к тому, что сердечная и кровеносные функции интенсифицируются, а метаболизм, иммунитет и сексуальная активность ослабевают. Как отмечает Мюльманн, большая часть энергии организма резервируется и канализируется в так называемые «скелетные мышцы» с целью оптимизации моторных способностей, то есть помогает либо лучше сражаться, либо быстрее бежать [3, с. 375].

Подобная схема на психофизиологическом уровне повторяет догадки Э. Юнгера, утверждающего, что опасность выступает одним из движущих факторов трансформации. Стрессовая опасность или чрезвычайное положение заставляет общество производить оперативные и достаточно мобильные действия по недопущению возможных необратимых последствий. Подобная интеллектуальная мобилизация является одним из основных факторов трансформации, расширения знаний умений и навыков, то есть компетенции, а значит развитие традиции. Творчество в подобном ключе рассматривается как выявление новых знаний, умений и навыков, позволяющих обеспечить жизнедеятельность и самосохранение человека.

При этом логика творческих трансформаций в логической цепочке традиции приводит к «оседланию» биологических инстинктов, их окультуриванию и дисциплинированию. Традиция выступает как логика упорядочивания через институализацию и самообладание. Подобный фактор Дитмар Кампер описал как «седирование», то есть волевое самодисциплинирование человека и общества, исходя из потребности самосохранения.

Интересно, что в подобной трактовке понятие «свобода» уже имеет совершенно иное содержание. Здесь бессмысленно говорить о «свободе-от» или «свободе-для». Свобода становится синонимом творчества, рационализации и самообладания. Она наделяется смыслом компетентности и ее инновационного обогащения, которое и задает логику развития человека.

В этой связи нельзя не затронуть проблему социального воображения как явления напрямую связанного с социальным творчеством. В литературе неоднократно указывалось на корреляции между социальным воображением и творчеством. Теперь следует также подчеркнуть, что, исходя из логики традиции как формы передачи, а также и трансформации знаний, умений и навыков, из поколения в поколение социальное воображение выступает ее центрирующим когнитивным компонентом. Подобный вывод исходит из продуктивной и репродуктивной его функций.

Однако не следует отождествлять традицию и социальное воображение. Традиция как явление имеет более объемное содержание, ибо включает также социальные институты и практики, которые не входят в понятие социального воображения.

Таким образом, традиция и инновация не являются смысловыми антонимами. Инновация – это один из компонентов традиции как биокультурного симбиоза и способа самосохранения человека как живого и социального существа. Она же является способом усовершенствования и расширения традиции через трансформацию знаний, умений и навыков, а значит и компетентности. В этом смысле социальное воображение выступает когнитивным носителем традиции и привносит инновационные смыслы через соответствующие рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гелен, А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии / пер. А. Гелен; сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 152–201.
2. Кампер, Д. Тело. Насилие. Боль / Д. Кампер. — СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2010.
3. Петров, К. А. Культура в свете теории стресса: Хайнер Мюльманн и Петер Слотердайт / К. А. Петров // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 11. — Ч. 2. — С. 374–378.
4. Руткевич, А. М. Теория институтов А. Гелена / А. М. Руткевич. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page49580884.htm>. — Дата доступа: 01.10.2014.
5. Фай, Г. Археофутуризм / Г. Фай, пер.; с англ. — Тамбов, 2011.
6. Хайдеггер, М. Кант и проблема метафизики / М. Хайдеггер; пер. с нем. О. В. Никифорова — М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
7. Эвола, Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа / Ю. Эвола; пер. с итал. В. Ванюшкиной. — М.: АСТ, 2007.
8. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер; пер. с нем. А. В. Михайловский — СПб.: Наука, 2002.

SUMMARY

The problem of tradition as a social phenomenon the transfer of knowledge and skills from generation to generation. Their qualitative changes are caused by external influences and are a manifestation of social creativity. The main source of social creativity of the human community advocates attempt to self-preservation due to the expansion of competence. Cognitive role in this play as a factor of social imagination and creativity successive transfer of knowledge, and skills from generation to generation.

Поступила в редакцию 13.04.2015 г.